

- the international conf. "7th Smirnov Readings in Logic (Moscow, June 22–24, 2011)". Moscow : MSU, 2011. P. 92–93.
32. Lvov-Warsaw School // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/lvov-warsaw/> (дата обращения: 18.11.2013).
 33. Maitra I., Weatherston Br. Assertion, knowledge, and action // Philosophical Studies. 2010. Vol. 149, iss. 1. P. 99–118.
 34. McGlynn A. Believing Things Unknown // Nous. 2013. Vol. 47, iss. 2. P. 385–407.
 35. Moore G. E. Selected Essays (edited by Thomas Baldwin). L. ; N. Y., 1993.
 36. Moore's paradox // Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Moore%27s_paradox (дата обращения: 18.11.2013).
 37. Moore's paradox // New World Encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/G_E_Moore27s_paradox (дата обращения: 18.11.2013).
 38. Read R. A strengthened ethical version of Moore's Paradox? Lived paradoxes of self-loathing in psychosis and neurosis // Philosophical Psychology. 2012. Vol. 25, iss. 1. P. 133–141.
 39. Rosenthal D. M. Moore's Paradox and Consciousness// AI, Connectionism and Philosophical Psychology. Philosophical Perspectives. 9. Atascadero, CA : Ridgeview, 1995. P. 313–334.
 40. Shoemaker S. Moore's Paradox and Self-Knowledge // The First-Person Perspective and other essays. N. Y. : Cambridge University Press, 1996. P. 74–96.
 41. Vidal J. Autoreferencia, autoconciencia, y la paradoja de Moore (Language: Spanish) // Crítica. 2012. Vol. 44, iss. 131. P. 55–81.
 42. Williams J. N. Moore's paradoxes, Evans's principle and self-knowledge // Analysis. 2004. Vol. 64, iss. 4. P. 348–353.
 43. Williams J. N. Moore's paradox and the priority of belief thesis // Philosophical Studies. 2013. Vol. 165, iss. 3. P. 1117–1138.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 164.4 + 168.53 + 009 + 519.767

Г. К. Ольховиков

РЕФЕРЕНЦИЯ К ДЕЙСТВИЯМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РЕФЕРЕНЦИИ К ОБЪЕКТАМ*

Статья посвящена формализации ранее предложенного автором решения для задачи Кripке о веровании. Формализация проводится на основе ранее сформулированной автором теории действий Δ , а точнее на основе расширения $\Delta(N)$ этой теории, которое определяется в настоящей статье. Автор показывает, что помимо решения для задачи Кripке $\Delta(N)$ может послужить средством для анализа актуальных понятий философской прагмасемантики, например для дистинкции между различными видами истинностных условий акта высказывания.

Ключевые слова: задача Кripке, логика действий, языковые акты, семантика имен собственных.

В [1] мы рассмотрели вариант решения задачи Кripке о верованиях в духе теории метаязыковых дескрипций. Несмотря на то что теория дескрипций

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00608а и РФФИ, проект 11-06-00430а.

ассоциируется с именем Б. Рассела, предложенное в [1] решение использовало лишь дескрипции специальной формы, которая, по сути, кодировала историческую последовательность наследования референции собственных имен, предложенную самим Кripке в качестве парадигмы для объяснения их значений. Таким образом, предложенный нами вариант решения задачи Кripке был в равной мере и расселианским, и кripкеанским. В конце указанной статьи мы отметили, что естественным следующим шагом является формализация данного решения. В самом деле, и Кripке, и Рассела семантика формальных языков интересовала не меньше, чем семантика естественного языка, а многие ключевые идеи этих философов естественно возникают именно в контексте обсуждения формальных языков современной логики. В настоящей статье мы делаем первый шаг к формализации намеченного в [Там же] подхода к семантике и прагматике имен собственных, соотносим результат такой формализации с некоторыми идеями в современной философии языка и фиксируем ряд метафизических выводов из полученных на этом шаге результатов. Несмотря на то что в данной работе рассматриваются формальные языки, в конечном счете данное исследование мотивировано метафизическими вопросами, в его фокусе находятся скорее концептуальные, нежели технические моменты, а сама аргументация ведется неформальным образом.

Метаязыковые дескрипции и теория Δ

В [1] было предложено истолковывать высказывания об именах собственных примерно следующим образом: утверждение агента a в контексте c о том, что объект b обладает свойством P , предлагалось понимать как «существует ровно один объект, являвшийся референтом имени b при его употреблении агентом a' в контексте c' , и всякий такой объект обладает свойством P ». Если в этой конструкции «быть референтом имени b » истолковывается как предикат (а именно так мы и поступим), то у нас возникают две категории сущностей, которые могут быть значениями подлинных имен собственных: агенты и контексты. Мы утверждаем, что оба этих вида сущностей могут быть сведены к третьему, более базовому, а именно к действиям.

Основой для такого сведения и последующей формализации предложенного в [Там же] варианта теории метаязыковых дескрипций будет выступать разработанная нами теория действий Δ . В исходном варианте Δ является теорией во второпорядковой логике. Индивидные переменные Δ пробегают множество действий особого вида, а именно множество возможных коллективных действий-событий некоторого сообщества возможных агентов.

Понятие возможного действия мы не будем здесь пояснять, считая его исходным. Зафиксировав понятие возможного действия, возможным агентом будем считать агента, активного в ходе хотя бы одного из возможных действий. Коллективным действием сообщества будем считать действие, охватывающее собой активность всех существующих членов этого сообщества, проходящую в период между началом и окончанием данного действия. Наконец, поясним смысл термина «действие-событие». Универсум всех действий

мы подразделяем на две существенно различные онтологические категории: действия-типы (или действия-универсалии) и действия-события (или действия-партикулярии). Действия-типы чаще всего приводятся в философской литературе в качестве примеров действий; это такие действия, как «открывание двери» или «опускание монеты в автомат»; они могут быть реализованы различными способами и в разных ситуациях.

Под реализацией таких действий могут пониматься разные конструкции, более или менее детально описывающие способ и обстоятельства осуществления действий-типов. Например, «открывание двери на кафедру логики философского факультета МГУ» или «опускание монеты в 5 рублей в кофейный автомат 1 ноября 2012 года» могут рассматриваться как реализации указанных действий-типов. Однако приведенные выше реализации, разумеется, и сами являются действиями-типами, которые допускают многочисленные и разнообразные реализации. Переходя от данных действий-типов ко все более детальным их реализациям, в идеальном пределе получаем действия-события в качестве последней, наиболее конкретной реальности, в которую действие-тип может быть воплощено.

Из указанной конструкции действий-событий не следует, однако, ни то, что эти действия не могут пересекаться в пространстве и времени, ни пространственно-временная непрерывность этих действий. Тем не менее мы предполагаем, что совокупность действий-событий, представляющая собой область значений индивидных переменных нашей теории, обладает и этими дополнительными свойствами. Такое соглашение ведет к отбрасыванию некоторых действий-событий из области нашей теории, и очевидно, что такое отбрасывание может быть проведено разными способами. Эти различные способы приводят к возникновению различных моделей нашей теории.

Теория Δ включает всего пять исходных предикатных констант, выделяющих существенные для анализа любой деятельности связи между вышеописанными действиями. Это, во-первых, причинные связи; во-вторых, отношения между действиями и агентами (рассматриваемые косвенно, так как агенты сами по себе не входят в предметную область теории); в-третьих, оценки агентами тех или иных действий других агентов (возможно, самих себя). Эти исходные предикаты имеют следующие обозначения и смысл:

- $B(x, y, z)$ — совершение x может привести сообщество к выбору между y и z (не обязательно только этими двумя действиями). Так что, например, высказывание «совершение x может открыть возможность для совершения y » можно записать как $B(x, y, y)$;

- $Ag(x, y)$ — имеется хотя бы один агент, активный как при совершении x , так и при совершении y .

Три оставшихся предиката (из которых два задают позитивные и негативные оценки соответствующих действий) мало связаны с последующим изложением, и мы не будем обсуждать их детально.

Несмотря на кажущуюся скучность языковых средств нашей теории, она позволяет определить многие понятия, важные с точки зрения прагматики и семантики собственных имен. В частности, в том, что касается агентов и их

отношений к действиям, эта теория позволяет корректно определить следующие контексты:

- все агенты, активные при совершении действия x , активны и при совершении действия y ;
- при совершении действия x активны в точности те же агенты, что и при совершении действия y ;
- при совершении действия x активен ровно один агент.

Все это позволяет однозначно описать действующих в сообществе агентов, отталкиваясь от совершаемых ими действий, выбирая в качестве представителя данного агента любое возможное действие, при совершении которого активен только этот агент¹. Используя представление агентов через их действия, можно далее описать в теории Δ другие важные контексты, например:

- агент, представленный действием y , существует в ходе совершения действия x (хотя этот агент, быть может, и не активен при совершении действия x).

Таким образом, агенты в нашей теории кодируются особого вида действиями. То же можно сказать и о контекстах. Корректность такой кодировки контекстов действиями можно показать с помощью следующего неформального рассуждения. В [1] контексты были описаны следующим образом: «Контекст, задающий значения высказанных слов, охватывает как саму ситуацию и намерения пользователей в ней, так и предшествующую этой ситуации историю мира». Естественно предположить, что действия сообщества агентов, рассматриваемые в качестве предметной области нашей теории, разворачиваются в некотором мире, и в результате действий этого сообщества данный мир переходит из одного состояния в другое. Контекст будет включать в себя как некое текущее состояние данного мира, так и все состояния, предшествующие ему, но не обязательно будущие состояния. В действительности необходимость включения в контекст будущих состояний мира существует лишь для высказываний специального вида, например для предсказаний будущего или для высказываний о намерениях. Хотя эти виды высказываний важны, мы не будем рассматривать их в настоящей статье, ограничившись более простыми и базовыми типами высказываний. Поэтому для целей настоящей статьи мы можем предполагать, что контекст включает в себя только лишь текущую ситуацию вместе со всеми ей предшествовавшими.

Любая ситуация включает в себя как статические, так и динамические моменты, где к первым можно отнести исходное состояние мира, а ко вторым — осуществляющую в этом состоянии деятельность. Динамические моменты любой текущей ситуации максимально полно представлены соответствующим действием-событием из предметной области нашей теории. Однако исходное состояние мира, в котором осуществляется данное действие-событие, также однозначно кодируется этим действием. В самом деле, действия-события представляют собой последнюю, наиболее конкретную реализацию соответствующих действий-типов, а потому сами действия-собы-

¹ Точную формулировку результата о представлении агентов см. в [8], теорема 6. Более подробную характеристику и философскую дедукцию исходных принципов Δ см. в [2].

тия не могут иметь две различные (и потому более конкретные, чем эти действия-события) реализации. Стало быть, действия-события неповторимы, и каждое из них может быть реализовано лишь в одном состоянии мира².

После того как мы убедились, что действия-события из предметной области нашей теории однозначно кодируют как динамические, так и статические моменты текущей ситуации, задача представления контекстов фактически решена. Дело в том, что из аксиом, накладываемых в теории Δ на отношение причинности B , следует, что это отношение является отношением частичного порядка, ветвящегося в будущее³. Таким образом, у каждого состояния мира в любой модели нашей теории имеется ровно одна последовательность предшествовавших ему состояний мира и действий, осуществленных в этих состояниях. Стало быть, для того, чтобы однозначно зафиксировать эту последовательность (а вместе с ней и контекст, возникающий в данной текущей ситуации во всей его полноте), достаточно зафиксировать саму эту ситуацию, для чего, в свою очередь, как мы показали выше, достаточно указать на осуществляемое в данной ситуации действие-событие.

Итак, действия-события, составляющие предметную область теории Δ , в одном отношении могут рассматриваться как коды действующих агентов, а в другом отношении — как коды состояний мира и тем самым возникающих в этом мире контекстов. Для того чтобы дать в рамках этой теории описание семантики и прагматики имен собственных, не хватает еще двух компонентов: самих имен и объектов, которые могут выступать их значениями. Отсутствие этих компонентов в теории Δ вполне ожидаемо, поскольку эта теория задумывалась нами как общая философская теория действий, и применение ее к анализу действий с помощью слов и по отношению к словам требует расширения этой общей теории до некоторого ее прикладного варианта, учитывающего специфику обращения с именами в естественном языке. Ниже мы даем набросок такого расширения.

Теория $\Delta(N)$

Теория $\Delta(N)$, по причинам, которые станут ясны ниже, представляет собой расширение не теории Δ как таковой, а ее первопорядкового фрагмента и является теорией в монадической второпорядковой логике с одной из нестандартных семантик, а именно с семантикой Хенкина⁴. Вместе с тем стандартными моделями $\Delta(N)$ мы по-прежнему будем считать лишь модели, удовлетворяющие полной второпорядковой версии Δ , несмотря на то, что некоторые аксиомы исходной теории становятся невыразимыми в новых условиях. Поскольку теория $\Delta(N)$ носит прикладной характер, мы допускаем использование

² С другой стороны, в каждом состоянии мира может быть реализовано множество разных действий-событий (фактически, конечно же, произойдет только одно из них, а все прочие останутся лишь контрафактическими альтернативами к этому действию-событию).

³ Более подробную характеристику и философскую дедукцию исходных принципов Δ см. в [2].

⁴ Подробнее о семантике Хенкина см., например, [12, гл. 3.3].

индивидуальных и предикатных констант, которые мы далее будем обозначать буквами a, b, c, d, \dots и P, Q, R, S соответственно.

Смена характера базовой логики и семантики связана с принятой нами в рамках $\Delta(N)$ подходом к представлению именуемых объектов в тех случаях, когда эти объекты отличны от агентов и контекстов. Прежде всего заметим, что объект может быть однозначно отождествлен со множеством возможных состояний мира, в которых этот объект существует. Если два объекта различны, то возможно состояние мира, в котором один объект отсутствует, тогда как другой объект существует. Стало быть, для любых двух различных объектов соответствующие множества состояний мира будут различны. Поскольку любое возможное состояние мира кодируется некоторым действием, то объект оказывается попросту свойством действий, верным для тех и только тех действий, которые доступны в состояниях мира, в которых есть этот объект. Иными словами, потенциальным объектом является любое свойство действий, охватывающее вместе с данным действием все его альтернативы (что, конечно же, нетрудно записать в виде формулы теории Δ).

Все ли потенциальные объекты являются фактическими объектами, т. е. потенциальными значениями имен? Решение этого вопроса зависит от принятой онтологии. Утвердительный ответ на него потребовал бы весьма либеральной концепции объектов, вроде той, что придерживается У. Куайн (см., например, [10]), но с многочисленными уточнениями и усложнениями. Отрицательный ответ ближе к интуитивному пониманию объекта: с точки зрения здравого смысла очевидно, что возможны такие изменения в состоянии мира, которые не меняют множества существующих в нем объектов. В таком случае необходимо зафиксировать некоторое множество выделенных одноместных предикатов над действиями, которые представляли бы объекты, и потребовать, чтобы все прочие предикаты аналогичной формы не могли быть объектами именования.

Этот путь более заманчив, но он связан и с определенными проблемами: ограниченная квантификация над предикатами, вообще говоря, требует ресурсов логики третьего порядка, тогда как наша теория сформулирована во второпорядковой логике. Вместе с тем дальнейшее изложение задействует второпорядковые ресурсы лишь в целях квантификации над объектами, что предоставляет нам довольно простой выход из указанного затруднения, упомянутый в начале данного раздела: мы предполагаем, что совокупность объектов и является областью, которую пробегают переменные для одноместных предикатов. Тем самым вместо стандартной второпорядковой логики мы получаем монадическую второпорядковую логику с семантикой Хенкина. При этом естественным условием, выполнение которого мы будем в дальнейшем предполагать, является возможность для каждого объекта существовать независимо от всех прочих объектов, формальным выражением которой служит то, что объем каждого из выделенных предикатов содержит хотя бы одно действие, которое отсутствует в объемах всех прочих выделенных предикатов.

Поскольку мы хотели бы представить в $\Delta(N)$ не только именование объектов, но и предикацию по отношению к ним, нам требуется достаточный запас

предикатных констант, причем каждый n -местный предикат над объектами мы будем представлять посредством $(n + 1)$ -местного предиката над действиями следующим образом. Если, например, P — некоторое свойство объектов в метаязыке $\Delta(N)$, то представляющий его в рамках $\Delta(N)$ двухместный предикат Q будет истинным для пары действий x, y , если и только если y является представителем состояния дел, в котором существует некоторый объект O , такой, что в состоянии дел, представителем которого является x , O обладает свойством P . Такое определение является корректным в силу введенного выше условия о логической независимости любого данного объекта от всех прочих объектов.

Наконец, нам необходимы имена для наших объектов. Поскольку число *фактически используемых в любой данный момент* имен в любом (даже формальном) языке всегда конечно, мы можем обойтись счетно-бесконечным списком собственных имен

$$N_1, \dots, N_n, \dots .$$

Каждому из этих имен в теории $\Delta(N)$ соответствует трехместное отношение особого вида. Например, $N_i(x, y, z)$ верно, если и только если в состоянии мира, представленном x , агент, представленный действием-событием y , именует посредством имени N_i некоторый единственный объект O , причем действие z обладает выделенным свойством, соответствующим данному объекту O . При этом мы предполагаем, что любой удачный акт именования или упоминания имени сопоставляет этому имени в качестве его значения некоторый единственный объект. В противном случае акт именования считается неудавшимся, а соответствующее отношение — пустым для данных значений x и y .

Такая позиция предполагает принятие следующей аксиомы:

$$(A1_i) \forall xy(N_i(x, y, z) \rightarrow \exists X(\forall w(X(w) \leftrightarrow N_i(x, y, z)) \vee \forall w \neg X(w)))$$

для любого натурального i^5 .

Кроме предикатов для имен нам необходим предикат для актов референции. Согласно теории, предложенной Крипке в [5] и принятой нами в [1], главным средством осуществления референции к объекту является ссылка (необязательно явная) на некое ранее бывшее употребление этого имени (исключением является ситуация, когда имя нарекается, т. е. вводится в этом значении посредством нового соглашения). Данный механизм референции мы представляем в теории $\Delta(N)$ в качестве счетно-бесконечного семейства четырехместных отношений

$$Ref_1, \dots, Ref_n, \dots,$$

где, например, $Ref_1(x, y, x_1, y_1)$ верно, если и только если в состоянии дел x агент y употребляет имя N_1 в том же смысле, в каком агент y_1 употребил это

⁵ Мы не ставим здесь целью дать полную аксиоматизацию $\Delta(N)$, упоминая формулы, которые мы хотели бы видеть в качестве ее аксиом и теорем, лишь для иллюстрации тех или иных неформальных утверждений.

имя в состоянии дел x_1 . Мы будем предполагать, что в каждый данный момент агент в состоянии сослаться лишь на одно предшествующее употребление любого данного имени и что поэтому для данных значений x, y, i существует не более чем одна пара значений x_1, y_1 , для которых верно $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1)$. В частности, мы будем предполагать, что $\text{Ref}_i(x, y, x, y)$ верно лишь в ситуации наречения имени N_i^6 .

Наконец, поскольку мы намерены моделировать языковую деятельность агентов, нам необходимы средства для представления языковых актов этих агентов. Чтобы не усложнять ситуацию, ограничимся ассерторическими языковыми актами, т. е. все языковые акты, рассматриваемые в нашей теории, будут высказываниями некоторых истинных или ложных суждений, причем мы не наложим слишком строгих ограничений на действия реальных агентов, если потребуем, чтобы в процессе каждого действия каждый агент мог высказать не более одного суждения. В этих условиях мы можем обойтись добавлением в нашу теорию двух новых отношений $T(x, y)$ и $F(x, y)$, которые означают, что в процессе действия x агент, представителем которого является действие y , высказал некоторое истинное и соответственно ложное утверждение. Разумеется, мы предполагаем, что для этих предикатов будет верна аксиома

$$(A2) \forall xy \neg(T(x, y) \wedge F(x, y)),$$

т. е. что высказывание, сделанное агентом в произвольной ситуации, должно иметь лишь одно из этих двух значений. С другой стороны, в каких-то ситуациях агент может и вовсе не высказываться, поэтому мы НЕ требуем выполнения аксиомы:

$$(A3) \forall xy(T(x, y) \vee F(x, y)).$$

В этих условиях мы можем формализовать семантику и прагматику имен собственных, заданную в [1] применительно к целому ряду стандартных языковых контекстов, прежде всего в отношении утверждений стандартной первопорядковой логики и логики алетических модальностей. Чтобы не перегружать текст индуктивными определениями, просто рассмотрим несколько примеров.

Пример 1. Атомарные суждения. Тот факт, что в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , обладает свойством P , при условии, что свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q , будет записываться следующим образом:

$$\begin{aligned} & (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ & \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists xy(\text{Ref}_i(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge \forall z(N_1(x, y, z) \rightarrow Q(a, z)))). \end{aligned}$$

⁶ Отметим, что отношение $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1)$ не может быть сведено к прочим предикатам теории $\Delta(N)$, например, следующим образом: $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1) \Leftrightarrow \forall z(N_1(x, y, z) \leftrightarrow N_1(x_1, y_1, z))$, поскольку совпадение значений имен может произойти и случайно, без каких-либо ссылок на более ранние употребления имени в том же значении.

По сути, мы утверждаем здесь, что данный агент в процессе указанного действия, во-первых, высказал некоторое суждение, истинное или ложное, а во-вторых, что это суждение истинно, если и только если имеется некоторое употребление имени N_1 , которому намерен следовать наш агент и при котором обозначаемый этим именем объект (1) существует в том состоянии мира, в котором высказывается это суждение, и (2) обладает в этом состоянии свойством P .

Пример 2. Булевы комбинации. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объекты, именуемые N_1 и N_2 , обладают свойством P , и пусть Q имеет то же значение, что и в предыдущем примере. Данный факт будет записываться в нашей теории следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 x_2 y_2 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge Ref_2(a, b, x_2, y_2) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge N_2(x_2, y_2, a) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w (N_2(x_2, y_2, w) \rightarrow Q(a, w))))).$$

Пример 3. Кванторы по объектам. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что некоторый объект находится в отношении R с объектом, именуемым N_1 , и пусть Q — трехместное отношение, представляющее в нашей теории двухместное отношение между объектами R . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists X xy (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge X(a) \wedge \forall z w ((N_1(x, y, z) \wedge X(w)) \rightarrow Q(a, z, w))))).$$

Пример 4. Алетические модальности. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , мог бы обладать свойством P , и пусть свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists xyz_1 w_1 (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, z_1) \wedge B(w_1, x, x) \wedge B(w_1, z_1, z_1) \wedge \forall z (N_1(x, y, z) \rightarrow Q(z_1, z))))).$$

Последний пример требует некоторых комментариев. Кripке неоднократно подчеркивал, что его возможные миры представляют собой главным образом контрафактические возможности. Таким образом, нечто возможно, если оно или было в прошлом, или есть сейчас, или будет в будущем, или же в прошлом существовал момент, в котором могли бы произойти события, которые могли привести к возникновению этого нечто в одной из альтернативных историй нашего мира. Учитывая смысл описанного выше предиката B , приведенная формула говорит о том, что в прошлой истории мира существовала ситуация, которая могла привести как к текущему состоянию дел, так и

к некоторой ситуации, в которой бы референт N_1 обладал свойством P . С учетом свойств предиката B это представляется нам наиболее естественным определением крипкеанской метафизической необходимости, а возникающая на основе этого определения модальная логика — одной из естественных формализаций представлений Кripке относительно свойств этого понятия. Ясно, что такая логика будет находиться между $S4$ и $S5$, возможно, совпадая с первой из этих систем. Но точная характеристика теории крипкеанской необходимости в духе приведенного выше определения остается открытой проблемой.

Рефлексивные vs референциальные условия истинности высказываний

В конце предыдущего раздела мы наметили некую простейшую теорию отношений между агентами, ситуациями и языковыми актами, которые осуществляются данными агентами в данных ситуациях. Иными словами, согласно классическому определению Ч. Морриса о том, что прагматика изучает отношения между пользователями языка и знаками, можно сказать, что мы построили некую зачаточную версию формальной прагматики. В настоящем разделе мы попробуем показать, что, несмотря на простоту построенной нами теории, она вполне может внести вклад в обсуждение актуальных вопросов современной философии, рассмотрев в качестве примера дистинкцию между рефлексивными и референциальными условиями истинности высказывания.

Эта дистинкция введена Дж. Перри (см. [9]), причем сам автор возводит ее к некоторым идеям, присутствующим в философии Д. Юма. Она является одной из трех базовых идей сравнительно нового направления в философии языка, так называемой критической прагматики (см. [7]), и существенным образом используется в рамках этого направления для выхода, например, из грайсовского порочного круга (см. [Там же, гл. 12.5]). Основная идея состоит в том, что, рассматривая значение данного ассерторического языкового акта, мы можем сформулировать для него условия истинности с учетом лишь тех семантических ограничений, которые задаются лексическими значениями использованных агентом слов (и тогда мы получаем рефлексивные условия истинности), или же мы можем учесть, наряду с этими ограничениями, дополнительную информацию, касающуюся самого осуществления языкового акта, времени и места его осуществления, объектов, составляющих референцию имен собственных, и т. д. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что если Иван в момент времени t говорит «Я проголодался», то рефлексивные истинностные условия его высказывания будут выглядеть так:

(C1) В момент произнесения данного высказывания его автор был голоден; тогда как референциальные условия истинности этого высказывания будут таковы:

(C2) В момент t Иван был голоден.

Разумеется, рефлексивные условия истинности, не содержащие никакой дополнительной информации помимо соответствующих лексических значений, и референциальные условия истинности, содержащие всю контекстно-зависимую информацию в полном объеме, — это лишь две крайности, между

которыми на практике неизбежно разворачивается целый спектр полутонов. В наиболее интересной для нас ситуации обсуждения семантики и прагматики имен собственных авторы [7] разворачивают эту дистинцию до следующей четырехзвенной номенклатуры типов истинностных условий высказывания:

- 1) utterance-bound truth conditions = рефлексивные истинностные условия;
- 2) speaker-bound truth conditions — рефлексивные истинностные условия плюс информация об агенте высказывания (добавим, что в эти условия естественнее всего включить базовую информацию о контексте, связанную как минимум с разрешением вопроса о значениях указательных слов, поскольку она не включается явным образом в последующие уровни);
- 3) network-bound truth conditions — то же, что и в п. 2, плюс информация о механизмах наследования референции собственных имен, использованных автором высказывания;
- 4) референциальные истинностные условия — то же, что и в п. 3, плюс идентификация денотатов собственных имен.

Помимо критической прагматики классификация истинностных условий связана с недавними дискуссиями о способе разграничения семантического и прагматического компонентов в содержании высказывания, в которых можно условно выделить два лагеря — минималистов и контекстуалистов⁷. То, что минималисты считают семантическим содержанием высказывания, оказывается достаточно близким к рефлексивным условиям его истинности, причем различия между собственно рефлексивными условиями истинности и близкими к ним speaker-bound truth conditions обнаруживают известную связь с различиями между более умеренной версией минимализма, представленной в [3], и более радикальным подходом, характерным для [4]. Напротив, контекстуалисты склонны включать в семантическое содержание все или почти все компоненты референциальных условий истинности.

Если мы теперь вновь обратимся к приведенным в предыдущем разделе примерам экспликации условий истинности различных высказываний агентов, то можно заметить, что они реализуют некий вариант минималистского подхода к семантике этих высказываний. Например, мы определили выше, что агент верно утверждает, что объект по имени N обладает свойством P , если и только если есть такая (не обязательно отличная от данной) ситуация употребления этого имени, что агент употребляет N в том же смысле, как и в той ситуации, причем то, что было значением имени N в той ситуации, существует в текущей ситуации и действительно обладает в ней свойством P . Легко заметить, что, принимая такое определение, мы рассматриваем высказывание данного агента с точки зрения внешнего наблюдателя, причем такого наблюдателя, который не знает о данном агенте ничего, кроме того, что он является автором данного высказывания. С другой стороны, наши условия

⁷ В отдельных источниках (см. [11, 3]) минимализм называется литерализмом.

явно предполагают, что этому внешнему наблюдателю известно, кто именно является автором высказывания и в какой именно ситуации оно произведено, поскольку и то и другое представлено в этих условиях именами собственными соответствующих действий. Таким образом, истинностные условия, рассмотренные в конце предыдущего раздела, могут быть охарактеризованы в терминах [7] как speaker-bound truth conditions. Можем ли мы теперь сделать еще один шаг в сторону минимализма и формализовать в нашей теории рефлексивные истинностные условия? Ответ утвердительный; нам необходимо лишь связать кванторами существования константы, содержащие информацию об авторе и контексте высказывания, так что, скажем, для атомарного высказывания из примера 1 мы получим

$$(1) \quad \exists xy((T(x, y) \vee F(x, y)) \wedge \\ \wedge (T(x, y) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(x, y, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, x) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(x, z))))).$$

Как показано в [Там же], ни один из выделенных выше типов истинностных условий суждений не может быть признан основным, а тем более «единственно верным»; значимость тех или иных истинностных условий высказывания зависит от ситуации, в которой это высказывание производится и, вообще говоря, определяется pragматическими характеристиками этой ситуации, так что данную формулу (как, впрочем, и формулы, приведенные в примерах 1–4) следует рассматривать не как аксиомы, задающие значение предикатов T и F , а как выполнимые формулы, фиксирующие ту или иную эмпирическую информацию.

С одной стороны, рефлексивные условия истинности имеют особое значение в качестве исходного пункта для вычисления грайсовских импликатур, представляющих собой важнейший этап pragматического анализа языкового акта. С другой стороны, результатом этого анализа, как правило, служит тот или иной вариант разворачивания этих условий в референциальные условия истинности. С третьей стороны, в некоторых ситуациях анализ высказывания заканчивается «на полпути», и выяснения, например, speaker-bound truth conditions достаточно для того, чтобы человек, которому это высказывание адресовано, перестал размышлять над его смыслом и перешел к адекватным данной ситуации действиям⁸. С четвертой стороны, довольно часто правильный анализ ситуации требует указания именно референциальных условий истинности. Рассмотрим, например, следующий диалог:

Пример 5. Истинностные условия в контексте диалога.

Пьер: Лондон — красивый город.

Поль: Это верно.

При определенных условиях естественно предположить, что Поль утверждает, что красивым городом является именно тот объект, который Пьер несколько ранее назвал Лондоном, чем бы этот объект на самом деле ни являлся. Предположим, что действие, во время которого Пьер произносит свое утверж-

⁸ См., например, анализ высказывания (9.1) [7, 105].

дение, обозначается константой a ; действие, во время которого высказывается Поль, происходит несколько позднее и обозначается константой c , а представителями Пьера и Поля как агентов являются действия, которые обозначаются в нашей теории константами b и d . Пусть далее в качестве имени для Лондона используется N_1 , а представителем свойства объектов «быть красивым городом» служит двухместное отношение между действиями Q . В таком случае вышеописанный диалог запишется в виде конъюнкции двух следующих формул:

$$(2) \quad (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z))));$$

$$(3) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge \\ \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall z (N_1(a, b, z) \rightarrow Q(c, z)))).$$

Мы видим, что хотя при представлении высказывания Пьера мы еще можем обойтись speaker-bound truth conditions, ответ Поля может быть правильно понят в контексте диалога лишь в результате указания на референциальные условия истинности его высказывания.

Вместе с тем наш анализ примера 5 содержит определенную неясность. В самом деле, мы еще ничего не сказали о том, каким образом в рамках теории $\Delta(N)$ можно провести различие между референциальными условиями истинности высказывания и близкими к ним network-bound truth conditions. Быть может, в ответе Поля фиксируется именно второй, а не первый тип истинностных условий? Нам неизвестен правильный ответ на этот вопрос, и вот почему. С одной стороны, есть основания считать, что в (3) фиксируются именно референциальные истинностные условия ответа Поля, поскольку все кванторы существования, присутствовавшие в рефлексивных истинностных условиях (1) для высказывания аналогичной формы заменены здесь собственными именами. Это говорит о том, что вся доступная в рамках $\Delta(N)$ информация о контексте высказывания и значениях собственных имен включена в (3) в явной форме. С другой стороны, учитывая введенные выше аксиомы для констант N_1, \dots, N_n, \dots , может показаться, что (3) ближе к network-bound truth conditions, ведь эти аксиомы позволяют преобразовать формулу (3) следующим образом:

$$(4) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \exists X (\forall w (N_1(a, b, w) \leftrightarrow X(w)) \wedge \forall z (X(z) \rightarrow Q(c, z))))).$$

Здесь объект представлен переменной (правда, переменной второго порядка), связанной квантором существования, что соответствует network-bound truth conditions. Но если наши референциальные условия истинности — это на самом деле лишь network-bound truth conditions, то как должны выглядеть «подлинные» референциальные условия истинности? Схема Перри и Корта требует здесь чего-то вроде:

$$(5) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall w (N_1(a, b, w) \leftrightarrow S(w)) \wedge \forall z (S(z) \rightarrow Q(c, z)))),$$

где S — одноместная предикатная константа. Но, с третьей стороны, не совсем понятно, насколько существенный шаг вперед сделан (5) по сравнению с (3). Перейдя от (3) к (5), мы, несомненно, получили более сильное утверждение, но сам денотат имени N_1 и в (3), и в (5) описывается с помощью предикатной константы — отличия лишь в ее местности. Достаточно ли этой разницы, чтобы оправдать различие между network-bound truth conditions и собственно референциальными условиями истинности, — непростой и, по нашему мнению, открытый вопрос. Наша гипотеза относительно вышеописанного эффекта «смазывания» дистинкции между network-bound truth conditions и референциальными условиями истинности состоит в том, что осмысленность этого различия может быть связана с принятием авторами [7] метафизической предпосылки о первичном онтологическом статусе объектов и что поэтому погружение этой дистинкции в контекст теории Δ , где исходными компонентами универсума являются действия-события, а объекты являются логическими конструкциями на основе действий, могло вызвать указанные проблемы.

Подводя итог настоящему разделу, мы можем констатировать, что намеченная в рамках теории $\Delta(N)$ формальная прагматика, при всей ее относительной простоте и примитивности, достаточно выразительна для того, чтобы зафиксировать и уточнить с приемлемой степенью точности некоторые актуальные концепции современной философии языка.

Возвращаясь к исходному пункту настоящей статьи, попробуем понять, какие выводы относительно статуса теории метаязыковых дескрипций, намеченной нами в [1], могут быть сделаны из осуществленного выше опыта формализации этой теории. Во-первых, особый характер метафизических предпосылок, лежащих в основании теории Δ , позволяет нам свести две основные категории подлинных имен собственных, выделенные в [Там же], а именно имена собственные агентов и контекстов, к единой категории имен действий-событий особого вида, что в онтологическом отношении представляет определенную экономию. Тем самым мы можем проанализировать любые высказывания агентов, содержащие имена собственных объектов, с помощью логических конструкций, содержащих лишь имена собственных действий, что и объясняет заголовок настоящей статьи⁹. Вместе с тем выигрыш от такого сведения уменьшается за счет того, что сами эти действия представляют собой достаточно сложные явления, которые с точки зрения здравого смысла являются гораздо менее естественными, чем даже введенные в [Там же] агенты-события.

Во-вторых, наша формализация позволяет нам сформулировать «химически чистый» вариант теории метаязыковых дескрипций в одном важном

⁹ Вместе с тем из того, что референция к объектам может быть в указанном смысле сведена к референции к действиям, отнюдь не следует, что объекты в нашей теории являются ущербными в онтологическом отношении, менее реальными, чем, например, действия-события. Теория $\Delta(N)$ может быть эквивалентным образом переформулирована в качестве теории, в универсуме которой действия-события и объекты представляют две равноправные и рядоположенные категории объектов.

частном случае. А именно, если мы ограничиваемся рефлексивными условиями истинности высказываний, мы можем полностью свести семантику собственных имен к метаязыковым дескрипциям без всякой опоры на какие бы то ни было «логически подлинные» имена собственные. Наконец, в-третьих, наша формализация позволяет нам записать пропозициональное содержание верований Пьера о London и Londres, используемых Кripке в формулировке его задачи о верованиях непротиворечивым образом¹⁰. А именно, предполагая, что Пьер высказывает свои верования во время действия a , что представителем Пьера служит действие b , что имена N_1 и N_2 представляют собой имена Londres и London соответственно и что значение этих имен было усвоено Пьером ранее во время действий c и d соответственно, референциальные условия истинности высказывания Пьера о том, что Londres красив, а London — не очень, будут выглядеть следующим образом:

$$(6) \quad \begin{aligned} & (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \\ & \leftrightarrow (Ref_1(a, b, c, b) \wedge Ref_2(a, b, d, b) \wedge N_1(c, b, a) \wedge \\ & \wedge N_2(d, b, a) \wedge \forall z(N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w(N_2(x_2, y_2, w) \rightarrow \neg Q(a, w))). \end{aligned}$$

Легко понять, что (6) является выполнимой формулой первопорядковой логики и что, таким образом, верования Пьера не содержат логического противоречия.

1. Ольховиков Г. К. Метаязыковые дескрипции и решение для задачи Кripке // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII, № 2. С. 93–106.
2. Ольховиков Г. К. Теория Δ: философские основания аксиоматизации // Полигнозис. 2010. № 3. С. 129–140.
3. Borg E. Minimalist Semantics. Oxford University Press, 2004.
4. Cappelen H., Lepore E. Inensitive Semantics. Oxford ; Blackwell, 2005.
5. Kripke S. Naming and Necessity. Harvard University Press, 1980.
6. Kripke S. A Puzzle About Belief // Meaning and Use; A. Margalit (ed.). Dordrecht : D. Reidel, 1979. P. 239–283.
7. Korta K., Perry J. Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication. Cambridge University Press, 2011.
8. Olkhovikov G.K. Second-order theory D as a tool for description of modal semantics // Advances in Modal Logic 2010, 24–27 Aug. 2010, Moscow, Russia. Extended abstracts. Moscow, Steklov Mathematical Institute, 2010. P. 53–57.
9. Perry J. Reference and Reflexivity. Stanford, CSLI Publications, 2001.
10. Quine W.V.O. Worlds away // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, iss. 22. P. 859–863.
11. Recanati F. Literal Meaning. Cambridge University Press, 2004.
12. Shapiro S. Foundations without Foundationalism. Oxford University Press, 1991.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

¹⁰ Подробную формулировку этой задачи можно найти в исходной статье Кripке [6].